

Лю Сюаньань не сопротивлялся, ему даже стало так приятно, что он зевнул.

Лян Шу подозвал Тёмного цзяо, и они вместе вернулись в лагерь.

Гао Линь тоже не спал. Услышав, что они вернулись, он юркнул в шатёр главнокомандующего:

— Ну как?

Лян Шу сидел на краю кровати:

— Держать тебя всего лишь заместителем генерала — явное расточительство таланта.

Гао Линь поспешил проявить скромность: мол, что вы, обычные способности. Сам не ожидал, что во мне скрыт такой потенциал в деле сведения пар. Он притащил мягкую подушку, уселся по-турецки и спросил:

— Что сказал второй господин Лю?

Лян Шу ответил:

— Сказал, что жениться лень и ни к кому он не питает склонности.

Улыбка на лице Гао Линя на мгновение застыла, затем он тут же вскочил, намереваясь сбежать, но не успел и мог лишь стенать:

— Как же так? Я же у А-Нина спрашивал! Второй господин Лю раньше никогда не интересовался чужими пристрастиями, он, кажется, даже предпочтений самого господина Лю не знает. Да и другим пациентам конфет не готовил.

Даже в походных условиях, когда запасы солодки и сушёного боярышника ограничены, подростки-солдаты лет тринадцати-четырнадцати от роду не могли выпросить у божественного лекаря Лю ни крошки сладости — максимум получали туманное философское наставление вроде: «Если считаешь, что лекарство перед тобой сладкое, значит, оно и есть сладкое». Скучища да дремота — страдания вдвойне.

Гао Линь продолжал:

— А ваше-то лекарство, ваше высочество, такое вкусное, что его хоть как тонизирующий отвар пей! Разве это не знак особого отношения? А-Нин говорит, второй господин Лю, чтобы горечь уменьшить, лично указывал, в какой момент какую траву класть. Уж будь на его месте я, и если б я так о ком-то заботился — либо это родной батюшка, либо я бы уже с ума сходил от любви и непременно бы женился.

Лян Шу подумал, что за всё время их знакомства он ещё не слышал от Гао Линя столько разумных слов.

Впрочем, если честно, он и сам не считал, что сегодняшнее «не люблю и не желаю» Лю Сюаньяня обязательно продлится до скончания веков. Всё-таки перед ним небожитель, проспавший в одиночестве сорок восемь тысяч лет. Чтобы вернуть его с небес на землю и научить любви, потребуется изрядно потрудиться.

Посему он великодушно не стал придирается дальше, махнул рукой, выпроводив Гао Линя, лёг на кровать и заснул со спокойной душой.

А Лю Сюаньань не спал. А-Нин уже немного вздремнул и теперь бодрствовал. Он спросил:

— О чём задумались, господин?

— Да ни о чём, — отозвался Лю Сюаньань, приподнявшись на локте под одеялом. — Просто в последнее время мне часто снится его высочество.

А-Нин счёл это естественным: что днём видишь, то и ночью снится. А его высочество мы видим каждый день.

Лю Сюаньань подозвал его поближе, загибая пальцем, и понизил голос:

— Мне снится, как его высочество моется.

А-Нин и это не нашёл странным, разве что удивился:

— Кажется, в самом начале вам уже снилось, как его высочество купается. Как же вышло, что мы уже столько времени знакомы, а он всё ещё не выбрался из водоёма?

Лю Сюаньань поводит пальцем в воздухе:

— Стоит передо мной без одежды.

Тут А-Нин аж вздрогнул:

— Как страшно!

Лю Сюаньань сел:

— Эх, на самом деле не то чтобы страшно... Просто... мне не очень хочется такое видеть, а успокоительный отвар, кажется, не помогает.

— Но с чего бы такие сны-то? — А-Нин тоже вскарабкался на кровать. — Говорят, о чём днём думаешь, то и ночью снится. Но вы же не думали о его высочестве без одежды? Очень уж странно.

Лю Сюаньань чистосердечно подтвердил:

— М-м, не думал.

А-Нин похлопал по подушке:

— Тогда ложитесь, господин. Я расскажу вам другую историю, послушаете и уснёте — может, тогда его высочество и не приснится.

Лю Сюаньань послушно улёгся. А-Нин достал успокоительную мазь, стал массировать ему виски и принялся рассказывать скучнейшую усыпляющую историю — про то, как лисица отплатила добром занудному учёному.

А плата добром — это всегда одно: женитьба да дети. Лю Сюаньань зевнул и быстро провалился в сон. Голос А-Нина протянулся за ним в грёзы: учёный с лисицей, свадебные гонги да суоны, на которые сбежалась вся деревня поглазеть, земля, устланная алым шёлком, ворота, увешанные цветными фонарями... Сам он, однако, на это зрелище посмотреть не успел — побежал к водопаду и как раз застал, как его высочество князь Сяо выходит из горячего

источника, держа в руке отрез красного шёлка, ослепительно яркий.

А окружающие зелёные горы и воды уже превратились в празднично украшенный свадебный зал. Лю Сюаньань в тумане подумал: «Неужели его высочество женится?»

Он огляделся, пытаясь разглядеть свадебный кортеж, но в этот миг снова поднялся белый туман, а звуки суонов вокруг стали оглушительными. Лю Сюаньаню стало невмоготу от шума, и он вскочил на Тёмного цзяо, умчавшись в другую сторону. Скакал-скакал — и вдруг сзади оказался ещё кто-то.

Он проснулся в холодном поту, сердце колотилось как бешеное.

А-Нин ещё не ушёл спать и перепугался:

— Опять его высочество приснился, господин?

Лю Сюаньань какое-то время смотрел на него, потом натянул одеяло на голову и глухо проговорил:

— Впредь не рассказывай мне историй.

Без историй он, по крайней мере, просто стоял на берегу. А после рассказа они вдвоём полдня скакали верхом, прижавшись друг к другу. Лю Сюаньань беззвучно вздохнул, в отчаянии уткнувшись лицом в подушку. Он чувствовал себя бесконечно виноватым перед его высочеством князем Сяо.

Ночь прошла беспокойно, и на следующий день он шатался на ходу. Лян Шу подъехал на лошади:

— Поедем со мной?

Лю Сюаньань, до того вялый, встрепенулся:

— Не надо.

— Не надо? — удивился Лян Шу. — Что, лень прошла?

Лю Сюаньань махнул рукой куда-то в сторону:

— Я в повозке посплю.

Лян Шу смотрел, как тот поспешно, чуть не спотыкаясь на полпути, забирается в телегу с припасами, и подозвал Гао Линя.

Гао Линь пошёл к А-Нину.

А-Нин как раз приводил в порядок стопку рисунков, на которых его господин изобразил его высочество князя Сяо в банном халате. Когда в шатёр неожиданно влетел человек, он вздрогнул и поспешно спрятал руки за спину:

— Заместитель генерала Гао.

Гао Линь скосил глаза на его руки:

— Что это?

— Ничего, — отступил на два шага А-Нин. — Пейзажи, нарисованные моим господином. Он запретил показывать их посторонним, так что я собираюсь их сжечь.

Гао Линь кивнул:

— А, пейзажи.

Задав ещё пару ничего не значащих вопросов, он вышел из шатра. Войско уже трогалось в путь, палатки нужно было срочно сворачивать, и А-Нин, торопливо скомкав рисунки, швырнул их в костёр, схватил поклажу и бросился догонять остальных.

Едва тот скрылся, Гао Линь тут же выудил из огня ещё тлеющий бумажный комок и понёс его в дар своему князю.

Лян Шу спросил:

— Что это?

Гао Линь ответил:

— Да я и смотреть не посмел.

Лян Шу развернул один лист. Заместитель генерала, не проявлявший ни капли робости, тут же вытянул шею, разглядел и остолбенел:

— Да это же вы, ваше высочество!

Нарисовано было чрезвычайно тщательно и аккуратно, вот только огонь изрядно его потрепал. Гао Линь изначально стащил это, думая, что это пейзаж, — просто чтобы скрасить князю тоску по возлюбленному. Никак не ожидал, что подберёт целый сундук золота. Какое там «лениво жениться» — надо немедленно возвращаться в Королевский город и свадьбу готовить!

Примечание автора:

Когда маленький Лян говорит, что лекарство горькое, маленький Лю говорит: добавь сахару.

Когда другие говорят, что лекарство горькое, маленький Лю говорит: тебе нужно изменить образ мыслей.

Его высочество князь Сяо с самого рождения сталкивался с разного рода грандиозными событиями и давно уже взрастил в себе душу, подобную мёртвому озеру: даже перед лицом величайших перемен и опасностей он сохранял невозмутимость. Но сейчас эти рисунки взволновали его до глубины, вызвав подспудное течение. Особенно когда Гао Линь, словно приняв не те пилюли, подлил масла в огонь, заявив, что А-Нин назвал это пейзажами.

Что такое пейзаж? Это нечто, достойное внимательного созерцания и вдумчивого наслаждения, то, что освежает дух и радует глаз, где обитает красота, куда стремится сердце, чему отдаётся чувство. Если уж дело дошло до пейзажей, то возвращение в Королевский город, по мнению Гао Линя, было уже запоздалым. Будь его высочество не князем, а странствующим рыцарем, не отягощённым придворным этикетом, — так завтра же можно было бы сыграть свадьбу!

Он сунул голову вперёд, желая рассмотреть ещё, но Лян Шу, не меня выражения лица, ловко собрал все листы в охапку. Собрал-то собрал, но орлиный глаз заместителя генерала, способный в глубине пустыни выследить волчью стаю, всё же уловил нечто совершенно немыслимое. С величайшим изумлением он подумал: «Что это я такое увидел? Неужели его высочество, одетое лишь наполовину?»

Второй господин Лю оказался таким вольным!

Лян Шу спросил:

— Это у тебя что за выражение лица?

Гао Линь слегка подправил расположение черт и заметил:

— Да и ваше высочество не особо-то сохраняет невозмутимость. Если будете улыбаться и дальше, это и впрямь станет похоже на одержимость.

<http://bllate.org/book/16268/1464383>